

Ключевые слова: административное право; реформа; власть; положение; санкция; высылка; взыскание; политика; интеллигенция.

Аннотация: В данной публикации в историческом аспекте рассматриваются некоторые вопросы становления и развития советского административного права в период 20–40-х годов прошлого века. Особое внимание уделено влиянию большевистских партийных установок на принятие отдельных нормативно-правовых актов, оказавших существенное воздействие на общественные отношения в стране в послереволюционный период. В статье по данному вопросу также представлены выводы отечественных ученых разного времени.

По мере укрепления советской власти на всей территории страны, партия большевиков и государство приступили не только к созданию управленческого аппарата на местах, но и наделили его необходимыми полномочиями для оперативного решения текущих вопросов. Одним из первых документов, закрепившим за местными органами власти право на обнаружение соответствующих актов, являлся Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июля 1922 г. «Об утверждении Положения о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [1].

На основании п. 1 Положения Губернские и Уездные Исполнительные Комитеты и их Президиумы издавали для населения подведомственных территорий обязательные постановления, связанные с управленческой деятельностью в сфере работы местных предприятий, заведений торговли, здравоохранения, поддержания и охраны общественного порядка.

Затем в 1926 г. очередным постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР принимается новое «Положение об издании исполнительными комитетами и городскими Советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [2].

По мнению А.А. Нестеровой, указанное Положение «по существу можно называть первой посылкой содержательного аспекта будущего Кодекса об административных правонарушениях РСФСР» [3, с. 864–869]. В определенной степени с таким утверждением можно согласиться, ибо в документе нашли свое отражение некоторые аспекты, раскрывающие предназначение административно-правового регулирования в различных сферах социальной жизни. Например, в качестве одного из основных видов административных взысканий выделено предупреждение, сохранившееся не только в последующих советских нормативно-правовых актах, но и закрепленное в действующем административном законодательстве.

В Положении выделялись конкретные условия обращения к данной мере: «постановления о предупреждении нарушителя выносятся в случае признания нецелесообразным применения штрафа или принудительных работ, ввиду незначительности нарушения, недостаточной осведомленности нарушителя и т. д.».

«Обладая, как и все иные санкции, общей и специальной превенцией, оно оказывает на правонарушителя моральное воздействие. Превентивная направленность и характер воздействия обуславливают несколько специфичное положение предупреждения в системе административных взысканий. Оно применяется не только в качестве «самостоятельного» вида наказания, но и используется для замены иных мер, когда для этого имеются соответствующие основания», – также отмечал Б.В. Дрейшев [4, с. 51–59].

В первые послевоенные годы, в соответствии со ст. 52 ГК РСФСР в нашей стране закреплялись следующие виды собственности: а) государственная (национализированная и муниципализированная); б) кооперативная; в) частная [5].

Поэтому российский рынок того времени характеризовался наличием значительного числа частных предприятий и кооперативов различного типа: производственные, потребительские, снабженческие, бытовые. В банковской сфере экономики присутствовали государственные, кооперативные, государственно-капиталистические и частнокапиталистические кредитные учреждения. Одновременно в финансовую систему входили кредитные кооперативы, сберегательные кассы, общества взаимного кредита, ломбарды.

Уже в 1925 г. удельный вес частного сектора в розничной торговле составлял 43 %. В указанное время на территории СССР осуществляли разнообразную деятельность 92 иностранных концессии, из них 43 в промышленности, где трудилось 54 тысячи рабочих и служащих.

Однако рассматриваемый период характеризовался не только позитивными явлениями, но и ростом различных противоправных деяний: экономических, финансовых, имущественных, преступлений против личности и т. д.

В немалой степени это вызывалось противоречиями рыночных отношений, расслоением общества, коррупцией, высоким уровнем безработицы. В частности, «переход от политики военного коммунизма к нэпу сопровождался значительным увеличением должностных преступлений и прежде всего взяточничества», – пишет Б.В. Волженкин [6, с. 34].

Многочисленные негативные факты такого рода есть следствие появления слоя управленцев-дилетантов, в значительной степени, вышедших из низших социальных слоев; отсутствие четких нормативно-правовых условий, регламентирующих ответственность государственных служащих; фактически не разработанные качественные структурно-функциональные методы руководства экономическими процессами.

Естественно, это потребовало от государства создания разветвленной системы контролирующих органов, в связи с чем постановлением ВЦИК РСФСР от 16 марта 1922 г. утверждается Положение о Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции [7].

Затем постановлением ВЦИК от 25 мая 1922 г. вводится в действие Положение о прокурорском надзоре [8]. В частности, на основании п/п «а» п.2 означенного акта, на прокуратуру возлагались обязанности по осуществлению «надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений».

Вместе с тем, руководители партии большевиков полагали, что воссоздание рынка есть временное отступление тактического характера, поскольку за советским государством сохраняются «командные высоты», позволяющие диктовать свою волю всем и каждому.

В письме к наркому юстиции Д.И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической по-

литики» В.И. Ленин заявлял: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [9, с. 321].

Таким образом, председатель Совнаркома обосновал необходимость широкого административного вмешательства в любые экономические отношения, что в дальнейшем нашло полное практическое воплощение.

Анализ сложившейся ситуации говорит о том, что в действительности большевистские лидеры отводили гражданскому законодательству подчиненную роль и второстепенное место в сравнении с властным, директивным воздействием на рыночные отношения.

Фактически даже положения ст. 1 ГК РСФСР, которая гласила, что «гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением», не всегда выполняли задачи, свойственные цивилистическим отношениям.

Поэтому в одной из своих работ В.П. Грибанов признавал, что «несмотря на всю сложность ее понимания и применения, ст. 1 ГК РСФСР сыграла в период новой экономической политики важную роль средства борьбы с частнокапиталистическими элементами, допускавшими нередко злоупотребления предоставленными им гражданским законодательством правами. Она служила средством, обеспечивающим постепенное вытеснение капиталистических элементов из хозяйственной жизни нашей страны» [10, с. 73–74].

В это же время, исключительно по инициативе В.И. Ленина и под его крайне целенаправленным воздействием, в стране начинается кампания репрессий против представителей старой, немарксистской интеллигенции. В ней партийный лидер видел одну из серьезных угроз для советской власти. В своих обращениях, направляемых представителям высших государственных органов, он требовал не только готовить списки лиц, подлежащих изгнанию за рубеж, но и как можно быстрее реализовывать соответствующие мероприятия.

Об этих акциях необходимо сказать более подробно, ибо, с одной стороны, их проведение характеризует некоторые стороны общественной жизни советской страны в начальный период НЭПа, а с другой стороны, ясно показывают, как политические взгляды большевистских вождей приобретали статус нормативно-правовых установлений. Так, 19 мая 1922 г. В.И. Ленин направляет письмо следующего содержания:

«т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки. Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т. д.). Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ.

Мои отзывы о двух питерских изданиях:

«Новая Россия» № 2. Закрыта питерскими товарищами.

Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам Политбюро и обсудить внимательнее. Кто такой ее редактор Лежнев? Из «Дня»? Нельзя ли о нем собрать сведения? Конечно, не все сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу.

Вот другое дело питерский журнал «Экономист», изд[ание] XI отдела Русского технического общества.

Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! Это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все – законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и выслать за границу.

Прошу показать это секретно, не размывая, членам Политбюро, с возвратом Вам и мне, и сообщить мне их отзывы и Ваше заключение. Ленин [11].»

Для придания означенным акциям видимости законности, 10 августа 1922 г. принимается декрет ВЦИК «Об административной высылке» [12].

В его п. 1 подчеркивалось, что «в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у Президиума Всероссийского Центрального исполнительного Комитета разрешение на изоляцию свыше двух месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке».

Согласно п. 6, срок административной высылки не мог превышать трех лет. Однако побег с места высылки или с пути следования к нему признавался уголовно наказуемым деянием и карался по условиям ст. 95 УК РСФСР 1922 г.

Следует полагать, что весьма не конкретная и расплывчатая дефиниция «лица, причастные к контрреволюционным выступлениям» введена в декрет не случайно. Под такое «резинное» понятие можно было подвести буквально все, начиная от конкретных действий до публичных высказываний, критических публикаций в прессе и пр.

30 августа 1922 г. газета «Известия», являвшаяся официальным органом ВЦИК, опубликовала интервью видного большевика, члена Политбюро РКП (б) и наркомвоенмора Л.Д. Троцкого, которое он дал американской журналистке А.Л. Стронг. Комментируя проблему, касающуюся представителей старой интеллигенции, он говорил: «те элементы, которые мы высылает или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений <...> все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военнополитической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением».

Отметим, что через несколько лет Л.Д. Троцкий, прозванный в народе «демоном революции», был выслан из СССР и что символично, на пароходе «Ленин» принудительно отправлен из Одессы в Турцию.

«Основным исполнителем решений Политбюро ЦК РКП (б), связанных с высылкой, было ГПУ, административная высылка стала методом борьбы с интеллектуальной оппозицией, считавшейся партийно-государственным руководством оппозицией политической. Этот метод отражал всю противоречивость государственного механизма диктатуры пролетариата начала 20-х гг. и привел к разрушению значительного числа состоявшихся научных школ, которые возглавлялись депортированными деятелями науки», – пишет Л.Г. Берляевский [13, с. 38].

Надо признать, что известная логика в поведении советских руководителей была существенной. Оппозиционность российской интеллигенции, по отношению к власти вообще, сложилась задолго до октябрьских событий. Прежде всего, этот специфический социальный слой всегда полагал себя «духовной элитой» общества,

но почти никогда не считал нужным опираться на отечественные исторические традиции и национальный опыт.

Большевики отлично понимали, что «гордость России – ее интеллигенция никогда не признавала себя тем, чем она фактически являлась – прозападной интеллектуальной элитой, самоотверженной и почти воспринявшей свое отчуждение от народа как естественное состояние», – констатирует А.И. Уткин [14, с. 5].

Еще до революции «во всеоружии своих теоретических познаний передовая русская общественность сгорала властолюбием. Она рвалась к власти на смену «отживающему самодержавию». Дабы применить эти теории на деле. Никто из этих самонадеянных доктринеров не сомневался в возможности и даже легкости управления громадной страной по самоучителю, к тому же заграничному», – также говорил историк-эмигрант А.А. Керсновский [15, с. 123].

Высылка, хотя и в несколько иной формулировке, сохранялась в советском законодательстве многие десятилетия. Как в качестве основного, так и дополнительного наказания она могла назначаться на срок от двух до пяти лет. Например, в комментариях к ст. 26 УК РСФСР 1960 г. подчеркивалось: «высылка выражается в принудительном выдворении осужденного из места его постоянного или временного жительства с одновременным ограничением права выбора места жительства путем запрещения проживания в некоторых местностях».

К началу тридцатых годов период НЭПа завершился. Поэтому директивные методы руководства принимали все более решительные формы. В Советском Союзе создавалась модель жесткой социалистической экономики, не предусматривающей наличия альтернативных начал. В силу ряда обстоятельств, прежде всего политического характера, государство осуществило ряд мероприятий по полной ликвидации частного сектора во всех отраслях производства, что кардинально изменило отечественную хозяйственную систему.

В стране закрепилась административно-командная вертикаль, базирующаяся на принципах безусловной субординации и подчиненности. Это полностью соответствовало взглядам В.И. Ленина, который прямо заявлял: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [16, с. 192].

С целью дальнейшего совершенствования работы органов советской власти на низовом уровне и придания единообразия их решениям, постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1931 г., утверждается «Положение об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [17].

Данный акт отменял все ранее принятые документы идентичного содержания, расширил и конкретизировал полномочия советского губернского, уездного и волостного управленческого аппарата.

В п. 1 данного акта подчеркивалось, что местные исполкомы и советы, а также их президиумы имеют право в пределах соответствующей территории издавать обязательные постановления, устанавливая в них для всего населения или отдельных его групп или учреждений, предприятий и организаций те или иные обязанности, несоблюдение которых влечет ответственность в административном или, в подлежащих случаях, в судебном порядке.

По сравнению с положениями ранее действовавших декретов, перечень полномочий, делегированных местным органам власти, значительно расширился и стал более конкретным. Назовем лишь некоторые вопросы, по которым, на основании п. 3 районные и приравненные к ним исполкомы и их президиумы, наделялись правом издавать обязательные решения:

а) охраны общественного порядка (борьбы с хулиганством, с нарушениями ночного отдыха и т. п.);

б) охраны здоровья населения (соблюдения санитарных правил, проведения мероприятий по оздоровлению населенных пунктов, общественного питания, санитарно-бытовых условий существования населения и по борьбе с болезнями;

в) борьбы со стихийными бедствиями (пожарами, наводнениями и т. п.);

г) охраны лесов и лесных насаждений от хищений, истреблений и пожаров;

д) порядка деятельности промышленных и торговых предприятий в области соблюдения требований общественной безопасности (правил хранения огнеопасных веществ и т. п.);

е) расквартирования проходящих войск;

ж) расквартирования гражданского населения в случаях стихийных бедствий.

В документе наиболее обширным по своему содержанию являлся раздел II «О наложении взысканий в административном порядке», где в п. 18 констатировалось, что за нарушение обязательных постановлений налагается в административном порядке одно из следующих взысканий: предупреждение, штраф или принудительные работы.

Необходимо отметить характерную особенность содержания статьи. Здесь так же, как и в некоторых вышеназванных декретах, говорится именно об административном взыскании. Применение данного термина является более правильным, чем, если бы законодатель говорил об административном наказании, как это в настоящее время сформулировано в ст. 3.2. КоАП РФ «Виды административных наказаний». В русском языке термин «взыскание» понимается как *требование*, а взыскательность – *строгость, требовательность* (курсив автorskий).

В частности, в ст. 19 Положения указывалось, что предельным размером взысканий, предусматриваемых обязательными постановлениями краевых, областных, районных и приравненных к ним исполкомов и их президиумов, а также горсоветов и их президиумов являются: штраф в размере не свыше 100 руб. и принудительные работы на срок до 1 месяца.

Предельными размерами взысканий за нарушение обязательных постановлений сельских и приравненных к ним советов и их президиумов являются: штраф до 10 рублей и принудительные работы на срок до 5 дней.

Отличительная черта означенного раздела заключалась в том, что в нем закреплялось неравенство различных слоев российских граждан перед законом. Это открыто декларировалось в нормах Положения, где излагались следующие установки: «предупреждение применяется лишь к нарушителям из трудящихся слоев населения или незначительности нарушения, при недостаточной осведомленности нарушителя и т. п. (ст. 20). При определении вида и размера взыскания орган, его налагающий, должен учитывать классовую принадлежность, материальное положение нарушителя, степень его сознательности, а также характер совершенного нарушения (ст. 21)».

Обращают на себя внимание положения ст. 25 Постановления. Здесь впервые существенное внимание уделено вопросам административной ответственности, связанной с соблюдением гражданами и водителями транспорта, правил уличного движения и порядок в общественных местах. В отношении виновных лиц, применялись санкции только в виде денежных штрафов, имеющих определенную дифференциацию.

Например, указанные штрафы налагались в следующих размерах:

а) за нарушение гражданами правил уличного движения в Москве и Ленинграде – не свыше 3 руб., а в остальных городах – не свыше 1 руб.;

б) за нарушение водителями транспорта правил уличного движения в городах, указанных в ст. 24, – не свыше

5 руб. и в остальных городах – не свыше 3 руб.;

в) за нарушение правил, регулирующих порядок в общественных местах в городах, указанных в ст. 24, – не свыше 3 руб. и остальных городов – не свыше 1 руб.

В Положении также формулировались правила принудительного взыскания штрафов, в случае его неуплаты нарушителем в установленный срок. В частности, таким правом наделялись органы, наложившее соответствующее взыскание. Однако через несколько лет Постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. означенный порядок был отменен и заменен судебными процедурами. Полагаем, что такое решение было правильным, ибо позволяло судам более детально проверить законность и обоснованность наложенного взыска

Вместе с тем, на фоне постоянного развития директивных требований, регулирующих практически все стороны социальной жизни, парадоксом выглядело официальное, крайне негативное отношение советской власти к административному праву, в реальности представлявшему собой самостоятельную отрасль права.

Не только во время революции, но и в период с 1928 по 1936 гг., оно подверглось очередным гонениям, как свойственное исключительно эксплуататорскому буржуазному обществу, где объективно существуют antagonистические классовые противоречия и полицейская система подавления пролетариата.

Лишь у отдельных видных большевиков наступало постепенное осознание, что «кавалерийскими атаками» проблемы права реализовать невозможно, ибо действительность более сложное явление, чем это излагалось в работах классиков марксизма-ленинизма.

Например, в 1918 г. автор «Руководства для устройства революционных трибуналов» и один из идеологов «красного террора» П.И. Стучка писал, что данные структуры в своих решениях «свободны в выборе средств и мер борьбы с нарушителями революционного порядка».

Через несколько лет, будучи Председателем Верховного Суда РСФСР, он формулирует несколько иную позицию: «мы должны избегать всяких теорий ревизионизма и экономизма, преподающих нам бессилие революционного закона над буржуазными производственными отношениями. Но мы одинаково осторожно должны относиться и к революционным законникам, верующим во всемогущество революционного декрета» [18, с. 179].

Отношение к проблеме менялось весьма медленно, под воздействием многих объективных условий, непосредственно связанных с управлением советским обществом. Так, с согласия партийных органов, по решению Президиума АН СССР от 5 октября 1936 г. создается Институт государства и права, где в его составе была образована секция «Государственное и административное право».

Одним из важнейших событий в истории развития отечественной юриспруденции явилось 1-е совещание научных работников права, проходившее в Москве 16–19 июля 1938 г., где активное участие принимал Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский.

Именно он, в своем заключительном слове, сформулировал определение, на многие будущие годы вошедшее в научную и учебную литературу: «право есть совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу [19, с. 183]».

На этом совещании принимается решение о восстановлении науки административного права. Отмечалось, что его роль возрастает в силу особой значимости государственного управления и необходимости разработки следующих вопросов: определение предмета и содержа-

ния науки советского административного права, а также полномочий органов государственного управления и методики анализа руководства социалистическим народным хозяйством. Вместе с тем, А.Я. Вышинский изложил два условия дальнейшего развития административного права: во-первых, его методологической основой должна выступать исключительно марксистско-ленинская идеология; во-вторых, обязательным элементом соответствующих научных разработок является критика системы буржуазного административного права.

В определенной мере, наличие означенных требований объяснялось тем, что «ближе к концу 1930-х гг. развитие государственного механизма происходило в уже окончательно сформировавшемся советском государстве с его тоталитарным политическим режимом, культом личности правителя, постоянным расширением территориального устройства и административно-командной системой управления» [20, с. 49–55].

В этом же году в университетах восстанавливается преподавание административного права. В журналах вновь появились статьи, посвященные проблемам этой отрасли. В них обсуждались вопросы о сущности и природе государственного управления, о его принципах и методах и ряд других актуальных тем.

Так, одним из активных сторонников восстановления и, своего рода реабилитации административного права в полном объеме, являлся С.С. Студеникин. Среди его работ того времени, увидевших свет в журнале «Советское государство и право» можно назвать статьи, имевшие основополагающее значение: «Некоторые вопросы советского административного права» (январь 1938 г.); «О предмете и системе советского административного права» (март 1939 г.).

В свою очередь, И.Н. Ананов в публикации «О кодификации советского административного права», появившейся на страницах журнала «Советская юстиция», поставил вопрос о продолжении исследований, связанных с созданием Административного кодекса (август 1939 г.).

Перед Великой Отечественной войной увидел свет первый в нашей стране учебник по советскому административному праву, подготовленный авторским коллективом в составе Г.И. Петрова, С.С. Студеникина и С.М. Чугунова [21].

В издании формулировались принципы, задачи, формы, методы и ряд иных вопросов, характеризующих систему государственного управления, сложившуюся в Советском Союзе. В частности, предмет административного права определялся через понятие исполнительно-распорядительной деятельности. В учебнике была обоснована фактически ставшая классической система административного права, состоящая из Общей и Особенной частей. Указанное деление существует и в настоящее время.

Кроме того, означенные специалисты подвергли анализу проблемы административной ответственности. В частности, предложили понятие административного правонарушения, обосновали необходимость его отграничения от преступлений и дисциплинарных проступков.

По мнению А.В. Кирина, «пусто и в идеологически выдержанной советской терминологии, в СССР была воспроизведена и фрагментарно даже развита принципиальная система и отчасти концепция дореволюционного полицейского (административного) права России, фактически подтвердившая преемственность и в советском праве значительной части традиций и наработок дореволюционной российской административно-правовой науки» [22, с. 36–41].

Таким образом, возрождение административного права как отрасли права необходимо отнести к последним предвоенным годам прошлого века. В решении столь фундаментальной задачи есть большая заслуга следующих ученых: И.Н. Ананова, С.М. Берцинского, В.А. Власова, Д.М. Генкина, В.Н. Дурденевского, В.К. Дябло, И.И. Ев-

тихиева, С.Ф. Кечекьяна, Б.А. Ландау, С.Л. Певзнера, К.И. Солнцева, И.С. Топчиева, А.М. Турубинера и др.

В своих трудах они обосновывали самостоятельность данной отрасли, раскрывали смысл и содержание государственной деятельности по управлению делами общества. Однако работу по расширенному анализу проблем административного права прервала начавшаяся Великая Отечественная война. Соответствующие изыскания возобновились лишь после победоносного разгрома нацистской Германии и ее сателлитов.

Уже в 1948 г. И.И. Евтихиевым была защищена докторская диссертация «Виды и формы административной деятельности», а в 1949 г. С.С. Студеникин также защищает докторскую диссертацию по теме: «Нормы административного права и их применение». Дальнейшие исследования актуальных проблем административного права и непосредственно административной ответственности вели ученые нового поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке: декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета и совета народных комиссаров // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 48. Ст. 603.
2. *Собрание узаконений РСФСР*. 1926. № 39. Ст. 304.
3. Нестерова А.А. История становления института административных комиссий // *Молодой ученый*. 2015. № 9. С. 864–869.
4. Дрейшев Б.В. Предупреждение как вид административного взыскания // *Правоведение*. 1970. № 3. С. 51–59.
5. О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР. изд. 1922 г., принятое на IV сессии 9 ноября 1922 г.: постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 70. Ст. 903.
6. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
7. Положение о Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции: декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 32. Ст. 384.
8. Положение о прокурорском надзоре // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 36. Ст. 424.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Прогресс, 1981. 417 с.
10. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Госполитиздат, 1965. 863 с.
12. Об административной высылке: декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 51. Ст. 646.
13. Берлявский Л.Г. Депортация ученых из советской России в 1922 г.: уроки истории // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. 2014. № 1. С. 29–41.
14. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. 640 с.
15. Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. Т. 3. М.: Голос, 1994. 352 с.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Госполитиздат, 1962. 584 с.
17. *Собрание узаконений РСФСР*. 1931. № 17. Ст. 186.
18. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. 748 с.
19. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Материалы 1-го совещания научных работников права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 192 с.
20. Румянцев П.А. Развитие государственного механизма на уровне регионов страны в период становления советского государства // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2016. Т. 1. № 2. С. 49–55.
21. Петров Г.И., Студеникин С.С., Чугунов С.М. Советское административное право. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 431 с.
22. Киринов А.В. Этапы развития института административной ответственности в СССР // *История государства и права*. 2011. № 18. С. 36–41.

FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE SOVIET ADMINISTRATIVE LAW

© 2016

A.A. Gogin, doctor of Law, associate Professor Department of Theory of State and Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: administrative law; reform; power; position; sanction; expulsion; recovery; policy; intelligentsia.

Abstract: In this publication the historical aspect deals with some issues of formation and development of Soviet administrative law during the 20's – 40-ies of the last century. Particular attention is paid to the influence of the Bolshevik Party directives on adoption of certain legal acts that have had a significant impact on social relations in the country in the post-revolutionary period. The article on this issue also presents the findings of Russian scientists from various periods.